

К особенностям перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык: глагольная морфология

Безенова Мария Петровна, Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН (Ижевск);
Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (Москва); mary_kaj@mail.ru

В статье рассматриваются глагольные морфологические особенности перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык. Актуальность исследования обусловлена тем, что письменные памятники являются одним из основных источников изучения истории языка, однако большинство памятников удмуртской письменности на данный момент еще не рассмотрено.

Описание морфологических особенностей в статье основано на проведенном ранее анализе графической и фонетической систем перевода «Закона Божия» на удмуртский язык. При этом основным методом исследования является сопоставление языкового материала памятника с данными современного литературного удмуртского языка и его диалектов.

В работе подробно рассматриваются категории наклонения, времени и залога, характерные для современного удмуртского языка, а также неспрягаемые формы глагола, к которым относятся инфинитив, причастие и деепричастие. В результате анализа в памятнике нами был выявлен ряд особенностей, характеризующихся употреблением маркеров с *ы*-овыми огласовками в соответствии с *и*-овыми в литературном языке и южноудмуртских диалектах в формах возвратного залога, настоящего времени 1-го и 2-го лица, прошедшего неочевидного времени 3-го лица множественного числа, причастий настоящего времени, образованных от глаголов I спряжения. Все *ы*-овые варианты оказались архаичными по своему происхождению, а *и*-овые объясняются переходом первоначального *ы* в *и* перед палатальным согласным. В переводе «Закона Божия» нам удалось выявить лишь один маркер инновационного характера — показатель деепричастия *-чѣзь (-тчозя-)*.

Таким образом, анализ показал, что глагольная морфологическая система памятника имеет архаичный характер.

Ключевые слова: удмуртский язык, диалектология, памятники письменности, глагольная морфология

THE PECULIARITIES OF THE TRANSLATION OF “GOD’S LAW” (1912) INTO UDMURT: VERBAL MORPHOLOGY

Maria P. Bezenova, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch, RAS (Izhevsk);
Ivannikov Institute for System Programming, RAS (Moscow); mary_kaj@mail.ru

This article examines the verbal morphologic characteristics of the translation of “God’s Law” into the Udmurt language. The relevance of the study lies in the fact that written monuments are one of the main sources for studying the history of the language, but most of Udmurt written monuments have not yet been examined.

The description of morphological characteristics in the article is based on a previous analysis of the graphic and phonetic systems of the translation of “God’s Law” into Udmurt. The main research method is comparing the linguistic material of the monument with the data of the modern literary Udmurt language and its dialects.

The paper discusses in detail the categories of mood, tense and voice, which are characteristic of the modern Udmurt language, as well as non-conjugated forms of the verb, which include the infinitive, participle, and gerund. As a result of the analysis, in the monument it was discovered that a number of features characterized by the use of markers with the *ы* vowel in accordance with the *и* in the literary language and the South Udmurt dialects in the forms of the reflexive voice, the present tense of the 1st and 2nd persons, the past non-evidential tense of the 3rd person plural, present participles, formed from the verbs of the 1st conjugation. All the *ы* vowel variants turned out to be archaic in origin, and the *и* vowel variations are explained by the change of the original *ы* into *и* before the palatal consonant. In the translation of “God’s Law” only one marker was identified as innovative, this is an indicator of the gerund *-чѣзь (-тчозя-)*.

Thus, the analysis showed that the verbal morphological system of the monument is archaic.

Keywords: the Udmurt language, dialectology, written sources, verbal morphology

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 20-18-00403 «Цифровое описание диалектов уральских языков на основании анализа больших данных».

Введение

Данная статья представляет собой продолжение серии работ, посвященных описанию графических, фонетических и морфологических особенностей перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык [Безенова, Кондратьева 2019; Безенова 2020]. В этой работе мы подробно остановимся на особенностях глагольной морфологии памятника. Для этого рассмотрим категории наклонения, времени и залога, характерные для удмуртского языка, а также неспрягаемые (неличные) формы глагола, к которым относятся инфинитив, причастие и деепричастие. Анализ морфологических изоглосс, как и в предыдущих статьях, мы будем проводить методом сопоставления языковых данных перевода «Закона Божия» с материалами литературного языка и современных удмуртских диалектов.

1. Категория наклонения и временные формы

В современном удмуртском языке и большинстве его диалектов выделяют три наклонения¹: изъявительное, условное и повелительное. Все они встретились и в тексте анализируемого памятника.

1.1. Изъявительное наклонение

Основным отличительным признаком глаголов изъявительного наклонения является их способность изменяться по временам. В современном удмуртском литературном языке выделяют восемь временных форм: а) простые: настоящее, будущее, первое прошедшее (очевидное), второе прошедшее (неочевидное); б) сложные: I плюсквамперфект, II плюсквамперфект, прошедшее длительное и прошедшее многократное [УКК 2011: 170]. Большинство этих временных форм представлено и в тексте памятника [Закон Божий].

1.1.1. Настоящее время

Морфологическими показателями утвердительных глагольных форм настоящего времени в современном удмуртском языке являются маркеры: *-исько/-йсько* (для форм, образованных от глаголов I спряжения, в 1-м и во 2-м лицах единственного и множественного числа), *-сько* (для форм, образованных от глаголов II спряжения, в 1-м и во 2-м лицах единственного и множественного числа), *-э/-е* (для форм, образованных от глаголов I спряжения, в 3-м лице единственного числа), *-о/-ё* (для форм, образованных от глаголов I спряжения, в 3-м лице множественного числа), нулевой показатель (для форм, образованных от глаголов II спряжения, в 3-м лице единственного числа), *-ло* (для форм, образованных от глаголов II спряжения, в 3-м лице множественного числа)². При этом суффиксы, примыкающие к глагольным основам в 3-м лице, одновременно указывают на грамматические категории времени, лица и числа. Отрицательные глагольные формы настоящего времени представляют собой аналитические конструкции, состоящие из знаменательного и вспомогательного отрицательного глагола, который изменяется по лицам и числам (подробнее см. [УКК 2011: 170—174]). В таблицах 1 и 2 приведены примеры из текста памятника и их литературные соответствия.

Из приведенных в таблицах 1 и 2 примеров можно видеть, что в тексте памятника [Закон Божий] в глагольных формах настоящего времени, образованных от глаголов I спряжения, присутствуют некоторые отклонения от современных литературных норм: а) в утвердительных формах 1-го и 2-го лица функционирует маркер *-ысько(-)* в соответствии с литер. *-исько(-)/-йсько(-)*; б) в отрицательных формах 1-го лица употребляется показатель *-ыськ-* в соответствии с литер. *-ыськ-*. Такая особенность в целом характерна для говоров северной диалектной зоны, в которую входят северное наречие и часть срединных говоров удмуртского языка. Соответствие *ы* в говорах северной диалектной зоны литературному *и*

¹ В отдельных диалектах удмуртского языка, например в южноудмуртских [Кельмаков 2006: 145], выделяют также желательное наклонение (оптатив), которое представляет собой сочетание препозитивных частиц *мед* 'пусть' или *медаз* 'пусть не' с глаголами в будущем времени. Но в целом вопрос о наличии оптатива в современном удмуртском языке спорен, поскольку у него нет «специальной синтетической формы выражения» [Тараканов 1984: 29], а аналитические формы с частицами *мед*, *медаз* многие ученые рассматривают в рамках повелительного наклонения.

² Глаголы I и II спряжения отличаются друг от друга финальной гласной основы, стоящей перед инфинитивным показателем *-ны*: глагольные основы с конечной *-ы-* относятся к I спряжению (например: *мыныны* 'идти, пойти', *учкыны* 'смотреть, глядеть', *пырыны* 'зайти, заходить' и др.), а с *-а-* (*-я-*) — ко II спряжению (например: *ужаны* 'поработать, работать', *дасяны* 'приготовить, готовить', *бичаны* 'собрать, собирать' и др.) [УКК 2011: 148].

встречается не только в суффиксах глаголов настоящего времени 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа, но и при образовании других форм от глаголов I спряжения, а именно: в показателях прошедшего неочевидного времени 3-го лица множественного числа, в суффиксах возвратного залога, а также в маркерах причастий «настоящего времени» [Кельмаков 2006: 67]. При этом считается, что *ы*-овые варианты этих суффиксов имеют более архаичный характер, а *и*-овые маркеры возникли «в результате изменения первичного *ы* перед палатальными согласными в *и*» [Кельмаков 2006: 66]. Все эти случаи употребления в памятнике *ы* в соответствии с литературным *и* в различных показателях будут подробно рассмотрены ниже.

Таблица 1. Глаголы I спряжения в настоящем времени

число	лицо	примеры из памятника ³	литер. соответствия				
			отриц. гл.	основа глагола	показатель времени	показатель лица	показатель числа
		утвердительные формы					
ед. ч.	1	не зафиксировано			-исько/ -йсько		
	2	сѣтыськôд ‘даешь’ PRS-2SG тырмытыськôд ‘наполняешь’ PRS-2SG		сѣт- тырмыт-	-йсько- -йсько-	-ð -ð	
	3	адзѣ ‘видит’ PRS.3SG сѣтѣ ‘дает’ PRS.3SG яратѣ ‘любит’ PRS.3SG		адзѣ- сѣт- ярат-	-е -э -э		
мн. ч.	1	карыськôм ‘делаем’ PRS-1PL лыдзыськôм ‘читаем’ PRS-1PL нуллыськôм ‘носим’ PRS-1PL		кар- лыдзѣ- нулл-	-исько- -исько- -йсько-	-м -м -м	-(ы) -(ы) -(ы)
	2	не зафиксировано			-исько-/ -йсько-	-ð-	-ы
	3	улô ‘живут’ PRS.3PL юрттô ‘помогают’ PRS.3PL лэсьтô ‘делают’ PRS.3PL		ул- юртт- лэсьт-	-о -о -о		
		отрицательные формы					
ед. ч.	1	не зафиксировано	уг		-иськ-/ -йськ-		-ы
	2	не зафиксировано	уд		-иськ-/ -йськ-		-ы
	3	не зафиксировано	уг				-ы
мн. ч.	1	ум-кѣ но адзѣыськѣ ‘хотя и не видим’ NEG.1PL-PRS-PL ум йѣбырцкыське ‘не молимся’ NEG.1PL-REFL-PRS-PL	ум ум	адзѣ- йѣбырск-	-иськ- -иськ-		-е -е
	2	не зафиксировано	уд		-иськ-/ -йськ-		-е
	3	уг быгато ‘не умеют’ NEG-PRS.3PL	уг	быгат-	-о		

³ В статье в качестве иллюстраций, как правило, приводится по три примера из [Закон Божий]. Меньшее количество примеров свидетельствует о том, что соответствующая форма в тексте памятника встречается лишь один или два раза.

Таблица 2. Глаголы II спряжения в настоящем времени

число	лицо	примеры из памятника	литер. соответствия				
			отриц. гл.	основа глагола	показатель времени	показатель лица	показатель числа
		утвердительные формы					
ед. ч.	1	не зафиксировано			-сько		
	2	вераськод ‘говоришь’ PRS-2SG		вера-	-сько-	-д	
	3	верá ‘говорит’ PRS.3SG возьмá ‘защищает’ PRS.3SG		вера- возьма-	∅		
мн. ч.	1	вераськóм ‘говорим’ PRS-1PL чакласькóм ‘думаем’ PRS-1PL ушгьяськóм ~ ушгьяськóмы ‘хвалим’ PRS-1PL		вера- чакла- ушгья-	-сько- -сько- -сько-	-м -м -м	-(ы) -(ы) -(ы)
	2	не зафиксировано			-сько-	-д-	-ы
	3	вералó ‘говорят’ PRS.3PL возьмалó ‘пасут’ PRS.3PL ушгьялó ‘хвалят’ PRS.3PL		вера- возьма- ушгья-	-ло -ло -ло		
		отрицательные формы					
ед. ч.	1	не зафиксировано	уг		-ськ-		-ы
	2	уд кышкаськы ‘не боишься’ NEG.2SG-PRS-SG	уд	кышка-	-ськ-		-ы
	3	не зафиксировано	уг				
мн. ч.	1	не зафиксировано	ум		-ськ-		-е(лэ)
	2	не зафиксировано	уд		-ськ-		-е(лэ)
	3	не зафиксировано	уг		-ло		

1.1.2. Будущее время

Морфологическими показателями утвердительных форм будущего времени в современном удмуртском языке являются маркеры *-о* (I спряжение) и *-ло* (II спряжение). Отрицательные формы представляют собой сочетание препозитивного вспомогательного отрицательного глагола, который изменяется по временам, лицам и числам, и знаменательного глагола [УКК 2011: 174—175]. Аналогичным образом будущее время выражается и в анализируемом памятнике (см. таблицы 3, 4).

Таблица 3. Глаголы I спряжения в будущем времени

число	лицо	примеры из памятника	литер. соответствия				
			отриц. гл.	основа глагола	показатель времени	показатель лица	показатель числа
		утвердительные формы					
ед. ч.	1	<i>султо</i> 'встану' FUT.1SG <i>ыстó</i> 'отправлю' FUT.1SG <i>юрттó</i> 'помогу' FUT.1SG		<i>султ-</i> <i>ыст-</i> <i>юртт-</i>	-о -о -о		
	2	<i>кулóд ~ кулод</i> 'умрешь' FUT-2SG <i>луóд</i> 'будешь' FUT-2SG		<i>кул-</i> <i>лу-</i>	-о- -о-	-д -д	
	3	<i>быттóз</i> 'уничтожит' FUT-3SG <i>мозмытóз</i> 'освободит' FUT-3SG <i>улóз</i> 'будет жить' FUT-3SG		<i>быдт-</i> <i>мозмыт-</i> <i>ул-</i>	-о- -о- -о-	-з -з -з	

мн. ч.	1	<i>оскѡм</i> ‘будем верить’ FUT-1PL		<i>оск-</i>	<i>-о-</i>	<i>-м</i>	<i>-(ы)</i>
	2	<i>сѣтѡды</i> ‘дадите’ FUT-2-PL		<i>сѣт-</i>	<i>-о-</i>	<i>-д-</i>	<i>-ы</i>
	3	<i>шуозы</i> ‘скажут’ FUT-3-PL		<i>шу-</i>	<i>-о-</i>	<i>-з-</i>	<i>-ы</i>
		отрицательные формы					
ед. ч.	1	не зафиксировано	<i>уг</i>				
	2	<i>уд кулы</i> ‘не умрешь’ NEG.FUT.2SG	<i>уд</i>	<i>кулы-</i>			
	3	<i>уз дугды</i> ‘не перестанет’ NEG.FUT.3SG	<i>уз</i>	<i>дугды-</i>			
мн. ч.	1	не зафиксировано	<i>ум</i>				<i>-э(лэ)</i>
	2	не зафиксировано	<i>уд</i>				<i>-э(лэ)</i>
	3	не зафиксировано	<i>уз</i>				<i>-э(лэ)</i>

Таблица 4. Глаголы II спряжения в будущем времени

число	лицо	примеры из памятника	литер. соответствия				
			отриц. гл.	основа глагола	показатель времени	показатель лица	показатель числа
		утвердительные формы					
ед. ч.	1	не зафиксировано			<i>-ло</i>		
	2	не зафиксировано			<i>-ло-</i>	<i>-д</i>	
	3	не зафиксировано			<i>-ло-</i>	<i>-з</i>	
мн. ч.	1	не зафиксировано			<i>-ло-</i>	<i>-м</i>	<i>-(ы)</i>
	2	не зафиксировано			<i>-ло-</i>	<i>-д-</i>	<i>-ы</i>
	3	<i>лучкалѡзы</i> ‘украдут’ FUT-3-PL <i>ушъялѡзы</i> ‘похвалят’ FUT-3-PL		<i>лучка-</i> <i>ушъя-</i>	<i>-ло-</i> <i>-ло-</i>	<i>-з-</i> <i>-з-</i>	<i>-ы</i> <i>-ы</i>
		отрицательные формы					
ед. ч.	1	не зафиксировано	<i>уг</i>				
	2	не зафиксировано	<i>уд</i>				
	3	не зафиксировано	<i>уз</i>				
мн. ч.	1	<i>ум чїдалэ</i> ‘не вытерпим’ NEG.FUT.1PL-PL	<i>ум</i>	<i>чїда-</i>			<i>-лэ</i>
	2	не зафиксировано	<i>уд</i>				<i>-лэ</i>
	3	не зафиксировано	<i>уз</i>				<i>-лэ</i>

1.1.3. Первое прошедшее (очевидное) время

Показателем первого прошедшего времени утвердительных форм глаголов I спряжения в современном удмуртском языке является суффикс *-и(-)/-й(-)*; для II спряжения характерен нулевой маркер⁴, исключения составляют лишь глагольные формы 1-го лица единственного числа, в которых показателем времени выступает формант *-й*. Отрицательные формы первого прошедшего времени, как и рассмотренные выше формы настоящего и будущего времен, выражаются сочетаниями изменяемого вспомогательного отрицательного глагола со знаменательным глаголом [УКК 2011: 178—179].

⁴ Согласно «Грамматике современного удмуртского языка» (1962), функцию показателя первого прошедшего времени глаголов II спряжения выполняет конечный гласный основы *-а(-я)* (*люк-а-д* ‘ты собрал’, *люк-а-ды* ‘вы собрали’, *дас-я-зы* ‘они приготовили’) [ГСУЯ 1962: 202].

В тексте памятника [Закон Божий] представлены лишь утвердительные формы прошедшего очевидного времени глаголов I спряжения. Каких-либо отклонений от современных литературных норм в данном случае нам выявить не удалось (см. таблицу 5).

Таблица 5. Глаголы I спряжения в прошедшем очевидном времени (утвердительные формы)

число	лицо	примеры из памятника	литер. соответствия			
			основа глагола	показатель времени	показатель лица	показатель числа
ед. ч.	1	<i>кылй</i> ‘я услышал’ 1PST.1SG	<i>кыл-</i>	<i>-й</i>		
	2	<i>вуйд</i> ‘ты прибыл’ 1PST-2SG <i>сийд</i> ‘ты съел’ 1PST-2SG	<i>ву-</i> <i>си-</i>	<i>-и-</i> <i>-и-</i>	<i>-д</i> <i>-д</i>	
	3	<i>адзйз</i> ‘он увидел’ 1PST-3SG <i>луйз</i> ‘он стал’ 1PST-3SG <i>мыжгйз</i> ‘он ударил кулаком’ 1PST-3SG	<i>адз-</i> <i>лу-</i> <i>мыжг-</i>	<i>-и-</i> <i>-и-</i> <i>-и-</i>	<i>-з</i> <i>-з</i> <i>-з</i>	
мн. ч.	1	<i>курймы</i> ‘мы попросили’ 1PST-1-PL	<i>кур-</i>	<i>-и-</i>	<i>-м-</i>	<i>-би</i>
	2	<i>кылйды</i> ‘вы услышали’ 1PST-2-PL	<i>кыл-</i>	<i>-й-</i>	<i>-д-</i>	<i>-би</i>
	3	не зафиксировано		<i>-и-/и-</i>	<i>-з-</i>	<i>-би</i>

1.1.4. Второе прошедшее (неочевидное) время

Прошедшее неочевидное время в тексте памятника [Закон Божий] представлено лишь формами третьего лица. Морфологическими показателями утвердительных форм 3-го лица единственного числа являются маркеры *-эм/-ем* (I спряжение) и *-м* (II спряжение), например:

адзём ‘он, оказывается, видел’ 2PST.3SG — литер. *адзем/адземеz*, *косём* ‘он, оказывается, велел’ 2PST.3SG — литер. *косэм/косэмеz*, *кылдытэм* ‘он, оказывается, создал’ 2PST.3SG — литер. *кылдытэм/кылдытэмеz*;

верам ~ *верам* ‘он, оказывается, сказал’ 2PST.3SG — литер. *верам*, *жалям* ‘он, оказывается, пожалел’ 2PST.3SG — литер. *жалям*, *юам* ‘он, оказывается, спросил’ 2PST.3SG — литер. *юам* и др.

В литературном удмуртском языке употребление в формах второго прошедшего времени 3-го лица единственного числа глаголов I спряжения личного показателя *-ез* факультативно [УКК 2011: 181—183]. В памятнике же маркер *-эм/-ем* выражает не только временное значение, но и лицо и число; отдельных личных маркеров в данном случае не добавляется. Аналогичное явление зафиксировано в говорах северного наречия [Карпова 2018: 321]. Кроме того, подобные формы без личных формантов функционируют в бесермянском наречии [Люкина 2016: 122], в срединных говорах [Бушмакин 1971: 296—297] и в отдельных говорах южного наречия [Кельмаков 1977: 50; Атаманов 2005: 186].

Морфологическими маркерами форм прошедшего неочевидного времени 3-го лица множественного числа в современном удмуртском языке являются суффиксы *-иллям(-)/-йлләм(-)* (у глаголов I спряжения) и *-ллям(-)* (у глаголов II спряжения) [УКК 2011: 182]. В [Закон Божий] данные формы образуются соответственно с помощью показателей *-ыльлям(-)*⁵ и *-лльям(-)*; при этом, как мы уже указывали ранее, *ы-*овый вариант глагольных форм I спряжения, который представлен в тексте памятника [Закон Божий], имеет более архаичный характер [Кельмаков 2006: 66]:

косыльлям ‘они, оказывается, велели’ 2PST.3PL — литер. *косйлләм/косйлләмзы*, *оскыльлям* ‘они, оказывается, поверили’ 2PST.3PL — литер. *оскилләм/оскилләмзы*, *потыльлям* ‘они, оказывается, вышли’ 2PST.3PL — литер. *потйлләм/потйлләмзы*;

кышкальлям ‘они, оказывается, испугались’ 2PST.3PL — литер. *кышкалләм/кышкалләмзы*, *погральлям* ‘они, оказывается, свалились’ 2PST.3PL — литер. *погралләм/погралләмзы*, *тодмалльям* ‘они, оказывается, узнали’ 2PST.3PL — литер. *тодмалләм/тодмалләмзы* и др.

Кроме того, В. К. Кельмаков отмечает, что «в северных говорах и бесермянском наречии, в отличие от южных говоров, глагол неочевидного прошедшего времени в 3-ем лице множественного числа имеет

⁵ Лишь в четырех словоформах употребляется маркер *-ильлям*: *адзильлям* 2PST.3PL (ср. *адзыльлям* 2PST.3PL) — литер. *адзйлләм/адзйлләмзы*; *вайльлямзы* 2PST-3-PL (ср. *вайыльлям* 2PST.3PL) — литер. *вайлләм/вайлләмзы*; *сийльлям* 2PST.3PL, *сийльлямзы* 2PST-3-PL — литер. *сийлләм/сийлләмзы*; *уайльлям* 2PST.3PL — литер. *вайлләм/вайлләмзы*.

особый показатель лица *-зы (зь)*» [Кельмаков 2006: 151—152]. Однако следует отметить, что данный личный маркер употребляется в современных северноудмуртских диалектах неодинаково: в верхнечепецких говорах форма прошедшего неочевидного времени 3-го лица множественного числа, как правило, употребляется без личных формантов; для нижнечепецких говоров характерно регулярное употребление маркеров лица; а «в говорах среднечепецкого диалекта указанные формы второго прошедшего времени могут выступать как с личными показателями, так и без них, причем более регулярный характер (...) имеют формы без личных формантов» [Карпова 2018: 321]. В тексте памятника [Закон Божий] формы второго прошедшего времени, оформленные личными маркерами в 3-м лице множественного числа, также присутствуют, но в количественном отношении они уступают формам без показателей лица. В общей сложности нам удалось выявить 50 форм без личного маркера 3-го лица множественного числа и 35 форм, оформленных личным показателем *-зы*, при этом форма одного и того же слова может употребляться как с личным маркером, так и без него, ср.:

кошкыльля́м 2PST.3PL ~ *кошкыльля́мзы* 2PST-3-PL ‘они, оказывается, ушли’ — литер. *кошкилля́м/кошкилля́мзы*, *лыктыльля́м* 2PST.3PL ~ *лыктыльля́мзы* 2PST-3-PL ‘они, оказывается, пришли’ — литер. *лыктйлля́м/лыктйлля́мзы*, *лэсьтыльля́м* 2PST.3PL ~ *лэсьтыльля́мзы* 2PST-3-PL ‘они, оказывается, сделали’ — литер. *лэсьтйлля́м/лэсьтйлля́мзы*;

веральля́м 2PST.3PL ~ *веральля́мзы* 2PST-3-PL ‘они, оказывается, сказали’ — литер. *вералля́м/вералля́мзы* и др.

Отрицательные формы прошедшего неочевидного времени в современном удмуртском языке образуются двумя способами: синтетическим, т. е. прибавлением к глагольной основе отрицательного суффикса *-мтэ*, и аналитическим, который представляет собой сочетание соответствующих утвердительных глагольных форм с препозитивной неизменяемой частицей *övöl* ‘не; нет’ [УКК 2011: 182]. Для текста памятника характерен аналитический способ образования отрицательных глагольных форм второго прошедшего времени, при этом, как и в случае утвердительных форм, встречаются лишь формы 3-го лица:

övöl вера́м ‘он, оказывается, не сказал’ NEG-2PST.3SG — литер. *верамтэ/верамтэз/övöl верам, övöl сие́м* ‘он, оказывается, не съел’ NEG-2PST.3SG — литер. *сиымтэ/сиымтэз/övöl сием/övöl сиемез*;

övöl дйсьтыльля́мзы ‘они, оказывается, не осмелились’ NEG-2PST-3-PL — литер. *дйсьтйллямтэ / дйсьтйллямтэзы / övöl дйсьтйллям / övöl дйсьтйллямзы, övöl кылцькыльля́мзы* ‘они, оказывается, не послушались’ NEG-REFL-2PST-3-PL — литер. *кылзйськиллямтэ/кылзйськиллямтэзы / övöl кылзйськиллям / övöl кылзйськиллямзы, övöl шедьтыльля́м* ‘они, оказывается, не нашли’ NEG-2PST.3PL — литер. *шедьтйллямтэ / шедьтйллямтэзы / övöl шедьтйллям / övöl шедьтйллямзы* и др.

Аналитический способ образования форм второго прошедшего времени в целом характерен для всех диалектов северного наречия [Карпова 2018: 322]. В южноудмуртских говорах, напротив, представлен синтетический способ [Кельмаков 1970: 385—386, 1977: 50, 2006: 152; Насибуллин 1978: 101; Атаманов 2005: 186], а в бесермянском наречии встречаются как синтетический, так и аналитический способы образования отрицательных форм неочевидного прошедшего времени [Тепляшина 1970: 232; Люкина 2016: 123].

1.1.5. Сложные формы прошедшего времени

В тексте анализируемого памятника, как и в современном удмуртском языке, встречаются сложные формы прошедшего времени, представляющие собой сочетания знаменательного глагола, который стоит в одном из рассмотренных выше простых временных форм, и вспомогательных глаголов *вал* ‘был’, *вылэм* ‘был, оказывается’ [УКК 2011: 184]. В [Закон Божий] нам удалось выявить два типа аналитических форм прошедшего времени:

1) II плюсквамперфект:

вера́м вылэм ‘он сказал было’ 2PST.3SG AUX — литер. *верам вал/вылэм*.

2) прошедшее длительное:

возьма́ло вылэм ‘они пасли было’ PRS.3PL AUX — литер. *возьмало вал/вылэм*;

тодэ́ вылэм ‘он знал было’ PRS.3SG AUX — литер. *тодэ вал/вылэм*;

уг о́ско вылэм ‘они не верили было’ NEG-PRS.3PL AUX — литер. *уг оско вал/вылэм* и др.

1.2. Условное наклонение

Показателем условного наклонения в современном удмуртском языке является суффикс *-сал*. При этом формы единственного числа 1-го лица личными маркерами не оформляются, а в формах 2-го и 3-го лица присоединение личных показателей факультативно. Формы множественного числа во всех трех

лица маркируются показателями лица и числа. Отрицательные формы условного наклонения образуются путем сочетания соответствующих утвердительных форм с препозитивным отрицательным глаголом *ой* [ГСУЯ 1962: 211].

В тексте памятника «Закон Божий» нам удалось зафиксировать лишь две глагольные формы условного наклонения, оформленные суффиксом *-сал*:

луысáлмы ‘мы бы были’ COND-1-PL — литер. *луысалмы*;

ой-кэ сётысáл ‘если бы он не дал’ NEG-COND.3SG — литер. *ой сётысал ке/ой сётысалыз ке* (ке ‘если; когда’).

Несмотря на ограниченное количество примеров, видим, что в оформлении самого суффикса условного наклонения отличий от современных литературных норм нет. Однако отрицательная форма образована без присоединения показателя лица *-ыз*, что характерно для говоров северного наречия, в которых «глаголы условного наклонения в единственном числе как в положительной, так и отрицательной формах употребляются без личных показателей» [Карпова 2018: 302]. При этом для говоров южного наречия более характерно оформление подобных форм суффиксами лица [Кельмаков 2006: 147], а в литературном языке употребление личных маркеров факультативно.

1.3. Повелительное наклонение

Глагольные формы повелительного наклонения в единственном числе в современном удмуртском языке, как и в его диалектах, характеризуются отсутствием формальных показателей. «Основной формой повелительного наклонения является второе лицо единственного числа, совпадающее с основой инфинитива» [ГСУЯ 1962: 208], в котором ударение переходит на первый слог слова, например: литер. *кóшкы* ‘уходи’, *вóрзы* ‘пришей’, *кóра* ‘руби’, *пéлля* ‘дуй’ и др. Подобные императивные формы встречаются и в тексте памятника [Закон Божий]:

дóунматы ‘очисти’ IMP.2SG — литер. *дóунматы*, *мóзмыты* ‘освободи’ IMP.2SG — литер. *мóзмыты*, *йóртты* ‘помоги’ IMP.2SG — литер. *йóртты*;

вёра ‘скажи’ IMP.2SG — литер. *вёра*, *вóзьма* ‘защити’ IMP.2SG — литер. *вóзьма*, *жáля* ‘пожалей’ IMP.2SG — литер. *жáля* и др.

Конечная гласная основы *-ы* форм повелительного наклонения единственного числа, образованных от глаголов I спряжения, при отсутствии сочетания согласных в основе слова, в современном литературном языке выпадает, например: *мын* ‘иди’, *си* ‘ешь’, *ю* ‘пей’ и др. [УКК 2011: 164]. Такое явление в целом характерно и для современных диалектов удмуртского языка⁶. Представлено оно и в [Закон Божий], однако в тексте памятника этот конечный гласный основы нередко сохраняется (например, *у́тьы* ‘береги’ IMP.2SG — литер. *у́ть*; *дóйшеты* IMP.2SG — литер. *дóйшет* и др.) или встречается параллельное употребление императивных форм, образованных от глаголов I спряжения, с наличием/отсутствием конечного гласного основы (ср. *сёт* ~ *сёты* ‘дай’ IMP.2SG — литер. *сёт*; *кар* ~ *кары* ‘сделай’ IMP.2SG — литер. *кар*).

Формальными показателями множественного числа повелительного наклонения в утвердительных формах являются маркеры *-э(лэ)/-е(лэ)* (от глаголов I спряжения) и *-лэ* (от глаголов II спряжения). В тексте памятника представлены императивные формы множественного числа, образованные только от глаголов I спряжения; все они оформлены маркером *-элэ (-елэ)*:

дóгдэлэ ‘остановитесь’ IMP.2PL — литер. *дóгдэ/дóгдэлэ*;

сóлтэлэ ‘встаньте’ IMP.2PL — литер. *сóлтэ/сóлтэлэ*;

йóэлэ ‘пейте’ IMP.2PL — литер. *йóэ/йóэлэ* и др.

Отрицательные императивные формы в памятнике, как и в литературном удмуртском языке, образуются путем сочетания соответствующих утвердительных форм с препозитивным отрицательным глаголом *эн*, который не изменяется по лицам и числам, например:

эн кельты́ ‘не оставляй’ NEG.IMP.2SG — литер. *эн кельты́*, *эн кельты́*;

эн сёты́ ‘не давай’ NEG.IMP.2SG — литер. *эн сёт*, *эн сёт*;

эн сйы́ ‘не ешь’ NEG.IMP.2SG — литер. *эн сй*, *эн сй*.

В современном удмуртском литературном языке, кроме синтетического способа образования императивных форм, выделяют также аналитический способ, при котором глагол употребляется с препозитивными неизменяемыми частицами *мед* или *медам* (*медад*, *медаз*) [УКК 2011: 168]. Утвердительные аналитические формы повелительного наклонения с частицей *мед* представлены и в [Закон Божий]: *мед юртто́з* ‘пусть он поможет’ IMP-FUT-3SG — литер. *мёд юрттоз*, *мед адзё́з* ‘пусть он увидит’

⁶ Л. Л. Карпова отмечает, что в подобных случаях «в северноудмуртских диалектах императив глаголов I спряжения единственного числа чаще выражается усеченной основой (без конечного гласного *-ы*)» [Карпова 2018: 298].

IMP-FUT-3SG — литер. *мéd адžоз*; *мед жалялóz* ‘пусть он пожалеет’ IMP-FUT-3SG — литер. *мéd жалялoз*; *мед чаклалóm* ‘пусть мы подумаем’ IMP-FUT-1PL — литер. *мéd чаклалом*; *мед оскoзы* ‘пусть они верят’ IMP-FUT-3-PL — литер. *мéd оскoзы* и др.

2. Залоги глагола

2.1. Возвратный и невозвратный залог

Формы возвратного залога в современном удмуртском языке образуются от переходных глаголов с помощью суффиксов *-иськ(ы)-*/*-йськ(ы)-*, *-ск(ы)-* (I спряжение) и *-ськ(ы)-* (II спряжение). Глаголы невозвратного залога характеризуются отсутствием формальных маркеров, т. е. имеют нулевой показатель.

В тексте памятника [Закон Божий] для образования форм возвратного залога употребляются суффиксы *-ыськ(ы)-*, *-ск(ы)-* и *-ськ(ы)-*.

1) *-ыськ(ы)-* (от глаголов I спряжения):

пи́льыськы́льля́м ‘они, оказывается, разбились’ REFL-2PST.3PL — литер. *пи́льыськи́ллям/пи́льыськи́ллямзы*;

лы́дзыськэ́ ‘читается’ REFL-PRS.3SG — литер. *лы́дзиське́*;

кы́лыськэ́м ~ *кы́лыськэ́м* ‘оказывается, послышалось’ REFL-2PST.3SG — литер. *кы́лыське́м/кы́лыське́мез* и др.

В данном случае видим, что показатель *-ыськ-*, который употребляется в памятнике для образования форм возвратного залога от глаголов I спряжения, соответствует литературному *-иськ-/ -йськ-*. Функционирование аналогичных *ы-*овых вариантов мы уже отметили ранее при рассмотрении глагольных форм настоящего времени; при этом указали, что подобные варианты характерны для говоров северной диалектной зоны и по своему происхождению являются первичными по отношению к *и-*овым маркерам [Кельмаков 2006: 66].

Кроме этого, В. К. Кельмаков отмечает, что суффикс возвратного залога глаголов I спряжения, особенно в сочетании с глагольными основами, оканчивающимися на *-ты-(ны)*, имеет некоторые диалектные варианты, «в “чистом” виде он выступает лишь в буйско-таныпском и татышлинском говорах, напр.: бт. *дышэ́т-ис’кы-ны*, татш. *дышэ́т-ис’къ-нъ* ‘учиться, обучаться’ (бт. *дышэ́ты-ны*, татш. *дышэ́тъ-нъ* ‘учить, обучать’); бт. *кут-ис’кы-ны*, татш. *кут-ис’къ-нъ* ‘взяться, схватиться’ (бт. *куты-ны*, татш. *кутъ-нъ* ‘поймать, схватить’) и др.» [Кельмаков 2006: 140—141]. В остальных диалектах данный морфологический маркер видоизменяется, в результате чего в современных говорах удмуртского языка встречаются различные модификации залогового суффикса глаголов I спряжения: *-с’к(ы)-* (кукморский говор периферийно-южного диалекта, некоторые центрально-южные говоры), *-чк(ы)-* (кырыкмасские и граховские говоры центрально-южного диалекта, верхнечепецкий говор северного наречия), *-к(ы)-* (большинство срединных говоров), *-ск(ы)-* (некоторые срединные и большинство говоров северного наречия) [Кельмаков 2006: 141—142]. Последний вариант залогового суффикса глаголов I спряжения *-ск(ы)-* широко представлен и в тексте памятника [Закон Божий], при этом в сочетании с конечным согласным основы *т* графически этот показатель в памятнике часто выглядит как *-цк(ы)-*. Отметим, что в современном удмуртском языке формы с маркерами *-ск(ы)-* и *-иськ(ы)-/ -йськ(ы)-* функционируют параллельно.

2) *-ск(ы)-* (от глаголов I спряжения):

кутскы́льля́м ~ *кутскы́льля́м* ‘они, оказывается, начали’ REFL-2PST.3PL — литер. *кутски́ллям/кутски́ллямзы/кутйськи́ллям/кутйськи́ллямзы*;

жэ́тскэ́м ‘он, оказывается, поднялся’ REFL-2PST.3SG — литер. *жэ́тске́м/жэ́тске́мез/жэ́тйське́м/жэ́тйське́мез*;

вортскэ́м ~ *ворцкэ́м* ‘он, оказывается, родился’ REFL-2PST.3SG — литер. *вордске́м/вордске́мез/вордйське́м/вордйське́мез* и др.

3) *-ськ(ы)-* (от глаголов II спряжения):

во́сяськó ‘молятся’ REFL-PRS.3PL — литер. *во́сясько́*;

люкаськы́льля́м ‘они, оказывается, собрались’ REFL-2PST.3PL — литер. *люкаськи́ллям/люкаськи́ллямзы*;

шонаськóно́ ‘нужно размахиваться’ REFL-IMPERS — литер. *шонасько́но* и др.

2.2. Понудительный и непонудительный залог

Понудительный залог в современном удмуртском языке и в большинстве диалектов образуется при соединении к основе глагола маркера *-т(ы)-* [УКК 2011: 202]. Глаголы непонудительного залога характеризуются отсутствием формальных показателей.

На диалектном уровне при образовании форм понудительного залога встречаются некоторые отклонения от современных литературных норм удмуртского языка. Так, например, в закамском, кукморском и бавлинском говорах периферийно-южного диалекта «глаголы тюркского происхождения образуют понудительный залог посредством заимствованного суффикса *-дыры/-тыры*, напр., кукм. *азъ-нъ* ‘воспалиться, разболеться (о ране)’ — *аз-дъръ-нъ* ‘вызвать воспаление, воспалить’» [Кельмаков 2006: 142]. Подобный маркер представлен и в отдельных центрально-южных говорах, в частности в граховских, в которых глагольные формы понудительного залога с заимствованным аффиксом используются параллельно с формами с исконным показателем *-т(ы)-*, например: *кэл’ыштын ~ кэл’ыштырын* ‘облюбовать, заставить понравиться’ [Атаманов 1981: 52]. При этом заимствованный маркер может присоединяться не только к глаголам тюркского происхождения (*безытын ~ бездырын* ‘отучить, отвадить’ [Атаманов 1981: 52]), но и к исконно удмуртским (*паймытын ~ паймыттырын* ‘удивить, заставить удивиться’ [Атаманов 1981: 52]).

В тексте анализируемого памятника встретились лишь одна глагольная форма понудительного залога, оформленная маркером *-т(ы)-*, идентичным литературному: *жугытэм* ‘заставил избить’ CAUS-2PST.3SG — литер. *жугытэм/жугытэмез*. Вероятно, наличие только одной словоформы объясняется функционированием в памятнике аналитических каузативных конструкций, выраженных сочетанием инфинитива с глаголом *косыны* ‘велеть, заставить’, например: *карыны косэм* ‘он, оказывается, заставил сделать’, *вераны́ косыльля́м* ‘они, оказывается, заставили сказать’, *нуыны́ косыльля́м* ‘они, оказывается, заставили унести’ и др.

3. Неспрягаемые формы глагола

Наряду со спрягаемыми формами глагола, в современном удмуртском языке выделяют также неспрягаемые глагольные формы, к которым относятся инфинитив, причастие и деепричастие.

3.1. Инфинитив

Морфологическим показателем инфинитива в литературном удмуртском языке и в абсолютном большинстве современных диалектов является суффикс *-ны*. В отдельных говорах гласный *ы* данного суффикса может выпадать (*-ны > -н*). В частности, данное явление встречается в верхнечепецком диалекте северного наречия в инфинитивных формах I спряжения, «если перед конечным гласным *ы* глагольной основы наблюдается стечение согласных: *вэтлын* (< *вэтлыны*) ‘уйти’, *вордын* (< *вордыны*) ‘воспитывать’, *ватскын* (< *ватскыны*) ‘спрятаться’ и др.» [Карпова 2018: 345]. Подобные формы также зафиксированы в средневосточных говорах [Воронцов 1997: 16], а также в граховских [Атаманов 1981: 52—53] и кырымасских [Кельмаков 1978: 66—73] говорах южного наречия. В бесермянских говорах, по данным диалектологов, функционируют обе инфинитивные формы, как полная, так и краткая без конечного гласного *ы* [Тепляшина 1970: 87—88; Люкина 2016: 41].

В тексте памятника [Закон Божий] никаких отклонений от современных литературных норм в оформлении инфинитивных форм глагола нам выявить не удалось, ср.:

лэсьтыны́ ‘делать’ INF — литер. *лэсьтыны*, *оскыны́* ‘верить’ INF — литер. *оскыны*, *тодыны́* ‘знать’ INF — литер. *тодыны*;

возьманы́ ‘охранять’ INF — литер. *возьманы*, *селяканы* ‘грешить’ INF — литер. *сьёлыканы*, *ужаны́* ‘работать’ INF — литер. *ужаны* и др.

3.2. Причастие

В современном удмуртском языке причастия условно можно разделить на утвердительные и отрицательные. К утвердительным относятся глагольные формы, образованные с помощью суффиксов *-ись* (*-йсь*), *-сь*; *-эм* (*-ем*), *-м*; *-оно* (*-ёно*), *-но*; *-он* (*-ён*), *-н*, *-мон*; *-эмын* (*-емын*), *-мын*. Отрицательные причастные формы образуются с помощью маркеров *-тэм*, *-мтэ* [УКК 2011: 261].

В тексте памятника [Закон Божий] нам удалось выявить следующие морфологические показатели причастий:

- 1) *-ысь* (от глаголов I спряжения), *-сь* (от глаголов II спряжения):

яратысь ‘любящий’ РТСР — литер. *яратйсь*, *сётись* ‘дающий’ РТСР — литер. *сётйсь*, *улысь* ‘живущий’ РТСР — литер. *улйсь*;

возьмась ~ возмась ‘защищающий’ РТСР — литер. *возмась*, *жалясь* ‘жалеющий’ РТСР — литер. *жалясь* и др.

- 2) **-эм (-ем)** (от глаголов I спряжения), **-м** (от глаголов II спряжения):
кулэм 'умерший' РТСР — литер. *кулэм, лэсьтэм* 'сделанный' РТСР — литер. *лэсьтэм, тійяськэм* 'сломавшийся' РТСР — литер. *тійяськем*;
копэм 'вскопанный' РТСР — литер. *копам* и др.
- 3) **-оно (-ёно)**:
лыктоно 'который должен прийти' РТСР — литер. *лыктоно, витёно* 'которого предстоит ждать' РТСР — литер. *витёно*.
- 4) **-он**:
мынон 'по которому идет' РТСР — литер. *мынон*.
- 5) **-мон**:
улымон 'достаточный для того, чтобы жить' РТСР — литер. *улымон*.
- 6) **-эмын (-емын)** (от глаголов I спряжения), **-мын** (от глаголов II спряжения):
гожтэмын 'записан' РТСР — литер. *гожтэмын, тупатэмын* 'исправлен' РТСР — литер. *тупатэмын, уатэмын* 'спрятан' РТСР — литер. *уатэмын*;
ушъямын 'восхвален' РТСР — литер. *ушъямын* и др.
- 7) **-мтэ**:
кылымтэ 'неуслышанный' РТСР — литер. *кылымтэ*.
- 8) **-онтэм**:
луонтэм 'небывалый' РТСР — литер. *луонтэм*.

Итак, в рассматриваемом памятнике представлены практически все суффиксы причастий, которые встречаются в современном удмуртском языке, при этом практически все они идентичны литературным маркерам. Исключение составляет лишь показатель причастия настоящего времени от глаголов I спряжения. Видим, что в данном случае в соответствии с литер. *-йсь* в памятнике употребляется формант *-ысь*, при этом литературный вариант данного маркера имеет более инновационный характер [Кельмаков 2006: 67]. Изменение первичного *ы* в *и*, вероятно, «следует объяснить воздействием соседних палатальных согласных, в данном случае последующего мягкого *с*» [Карпова 2018: 348]. Показатель причастия настоящего времени от глаголов I спряжения с *и*-овой огласовкой функционирует также в говорах южного наречия [Кельмаков 2006: 155], в бесермянском наречии встречаются оба варианта суффикса [Люкина 2016: 78], а для многих срединных и северных говоров характерны *ы*-овые маркеры, хотя, по данным Л. Л. Карповой, в последнее время в среднечепецком и верхнечепецком диалектах северного наречия «наряду с суффиксом *-ыс*', отмечается тенденция употребления его варианта *-ис*» [Карпова 2018: 348].

3.3. Деепричастие

В современном удмуртском языке и большинстве его диалектов морфологическими показателями деепричастий являются суффиксы *-са*, *-тэк*, *-ку*, *-тозь*, *-мон*. К деепричастиям также относят отглагольные слова, оформленные маркерами *-эмен (-емен)*, *-мен/-мтэен*, *-эмысь(-емысь)*, *-мысь/-мтэмысь* [УКК 2011: 273]. В тексте памятника [Закон Божий] мы выявили следующие аффиксы деепричастий:

- 1) **-са**:
басьтыса 'взяв' CONV — литер. *басьтыса, кылыса* 'услышав' CONV — литер. *кылыса, потыса* 'выйдя' CONV — литер. *потыса*;
вераса ~ *вераса* 'сказав' CONV — литер. *вераса, малпаса* 'подумав' CONV — литер. *малпаса, ушъяса* 'похвалив' CONV — литер. *ушъяса* и др.
- 2) **-тэк**:
дыртытэк 'не спеша' CONV — литер. *дыртытэк, кулытэк* 'не умирая' CONV — литер. *кулытэк, яратытэк* 'не любя' CONV — литер. *яратытэк* и др.
- 3) **-ку**:
поныку 'когда кладешь' CONV — литер. *поныку*.

Стоит отметить, что деепричастия с маркером *-ку*, подобно финитным формам глагола, могут изменяться по лицам и числам, ср.: *выдыкуд* 'когда ты ложишься' CONV-2SG — литер. *выдыкуд, пырыкуз* 'когда он входит' CONV-3SG — литер. *пырыкуз, вöсяськыкумы* 'когда мы молимся' CONV-1-PL — литер. *вöсяськыкумы* и др.

В диалектах удмуртского языка в качестве варианта данного маркера встречается показатель *-кы*, который характерен для говоров южной диалектной зоны [Атаманов 1981: 55; 2005: 188; Кельмаков 1987: 31, 44; 2006: 159], части срединных говоров [Бушмакин 1971: 311; Тепляшина 1973: 208; Загуляева 1980: 15], бесермянского наречия [Тепляшина 1970: 253] и нижнечепецкого диалекта северного наречия удмурт-

ского языка [Карпова 2018: 357]. Вариант *-ку* функционирует в современных говорах северной диалектной зоны [Кельмаков 2006: 159]; по своему происхождению данный вариант считается вторичным (см. подробнее [Серебренников 1963: 302]), при этом, согласно трактовке Л. Л. Карповой, он возник из формы на *-кы* «не на основе фонетических законов, а по аналогии с вопросительным местоименным наречием *ку?* ‘когда’» [Карпова 2018: 358].

4) *-чѣзь (-тчозя-)*:

луычѣзь ‘до становления’ CONV — литер. *луытозь*, *луытчозязь* ‘до его становления’ CONV-3SG — литер. *луытоязь*.

Как видим, в данном случае в соответствии с литературным *-тозь* в тексте памятника функционирует особый вариант маркера *-чѣзь (-тчозя-)*, при этом, как и деепричастия на *-ку*, данные формы могут употребляться с лично-притяжательными формантами.

В диалектах удмуртского языка суффикс *-тозь* представлен в различных вариантах: *-тос’* (употребляется в кукморском, бавлинском и шошиминском говорах периферийно-южного диалекта), *-тоѝ* (встречается в срединных говорах), *-ѣѣож* (характерен для отдельных северных говоров), *-ччож* (представлен в татышлинском и буйско-таныпском говорах периферийно-южного диалекта), *-ччоз’ (-чоз’)* (употребляется в большинстве североудмуртских говоров) [Кельмаков 2006: 157—158]. Последний вариант, идентичный маркеру, который встречается в [Закон Божий], наиболее широко представлен в современных среднечепецком и нижнечепецком диалектах, реже встречается в верхнечепецком диалекте северного наречия удмуртского языка [Карпова 2018: 358—360]. Что касается происхождения данного показателя, по мнению В. К. Кельмакова, вариант *-ччоз’ (-чоз’)* возник «в результате контаминации суффиксов *-тоз’* и *-ѣѣож (~ -ччож)*» [Кельмаков 2006: 158]; в свою очередь, *-ѣѣож* в [Серебренников 1963: 306] возводится к послелогу *ѣож* или *ѣоже* ‘в течение’.

5) *-эмысь* (от глаголов I спряжения), *-мысь* (от глаголов II спряжения):

ыземьсь ‘ото сна’ CONV — литер. *иземьсь*,

ушьямьсь ‘из-за похвалы’ CONV — литер. *ушьямьсь*.

Выводы

Итак, в тексте памятника [Закон Божий] на уровне глагольной морфологии можно выделить ряд особенностей, в отношении которых язык рассматриваемого памятника отличается от современного литературного удмуртского языка и некоторых его диалектов:

- 1) образование форм возвратного залога от глаголов I спряжения с помощью маркера *-ыськ-* в соответствии с литер. *-иськ-/ -йськ-*;
- 2) образование форм настоящего времени 1-го и 2-го лица от глаголов I спряжения с помощью маркера *-ысько(-)* в соответствии с литер. *-исько(-)/ -йсько(-)*;
- 3) образование форм прошедшего неочевидного времени 3-го лица множественного числа от глаголов I спряжения с помощью маркера *-ыльлям(-)* в соответствии с литер. *-иллям(-)/ -йллям(-)*;
- 4) образование причастий настоящего времени от глаголов I спряжения с помощью суффикса *-ысь* в соответствии с литер. *-ись*;
- 5) образование деепричастий с помощью маркера *-чѣзь (-тчозя-)* в соответствии с литер. *-тозь*.

Из перечисленных особенностей лишь одна (п. 5) имеет инновационный характер, остальные четыре особенности — архаичного происхождения, при этом все они объясняются переходом первоначального *ы* в *и* перед палатальным согласным [Кельмаков 2006: 66—67]. На сегодняшний день *ы*-овые варианты маркеров в основном сохранились в североудмуртских говорах, а *и*-овые закрепились в говорах южной диалектной зоны, а также в литературном удмуртском языке. Маркером вторичного происхождения в памятнике также является показатель деепричастий *-ку*, соответствующий литер. *-ку*, первичный вариант *-кы* которого на данный момент сохранился в говорах южной диалектной зоны, бесермянском наречии и нижнечепецком диалекте северного наречия удмуртского языка.

Таким образом, можно сказать, что в целом в памятнике [Закон Божий], по сравнению с именной морфологией, которую мы подробно рассмотрели в предыдущей статье [Безенова 2020], глагольная морфологическая система имеет более архаичный характер. При этом все выявленные нами морфологические особенности как инновационного, так и архаичного происхождения представлены в современном северном наречии удмуртского языка; анализ глагольной морфологии, как и именной, не противоречит нашей гипотезе относительно диалектной принадлежности перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык, поскольку среднечепецкий диалект, один из говоров которого, как мы предположили

ранее в работе [Безенова, Кондратьева 2019], является потомком языка, отраженного в данном переводном памятнике письменности, относится к северноудмуртским диалектам.

С о к р а щ е н и я

Языки и диалекты

бт. — буйско-таныпский говор периферийно-южного диалекта удмуртского языка
кукм. — кукморский говор периферийно-южного диалекта удмуртского языка
татш. — татышлинский говор периферийно-южного диалекта удмуртского языка

Глоссы

1, 2, 3 — первое, второе, третье лицо	IMPERS — безличный глагол
1PST — первое прошедшее (очевидное) время	INF — инфинитив
2PST — второе прошедшее (неочевидное) время	NEG — отрицательный глагол
AUX — вспомогательный глагол	PL — множественное число
CAUS — понудительный залог	PRS — настоящее время
COND — условное наклонение	PTCP — причастие
CONV — деепричастие	REFL — возвратный залог
FUT — будущее время	SG — единственное число
IMP — повелительное наклонение	

Общие

литер. — литературная форма, литературный язык
отриц. — отрицательный
гл. — глагол

Л и т е р а т у р а

Атаманов 1981 — Атаманов М. Г. Граховские говоры южноудмуртского наречия // Материалы по удмуртской диалектологии: Образцы речи. Ижевск, 1981. С. 45—96. {Atamanov M. G. Grakhov Dialects of the South Udmurt Dialect // Materials on Udmurt Dialectology: Speech Samples. Izhevsk, 1981. P. 45—96.}

Атаманов 2005 — Атаманов М. Г. От Дондыкара до Урсыгурта. Из истории удмуртских регионов. Ижевск, 2005. {Atamanov M. G. From Dondykar to Ursyurt. From the History of the Udmurt Regions. Izhevsk, 2005.}

Безенова 2020 — Безенова М. П. К особенностям перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык: именная морфология // Урало-алтайские исследования. 2020, 1 (36). С. 53—70. {Bezenova M. P. The Peculiarities of the Translation of “God’s Law” (1912) into Udmurt: Noun Morphology // Ural-Altaic Studies. 2020, 1 (36). P. 53—70.}

Безенова, Кондратьева 2019 — Безенова М. П., Кондратьева Н. В. К особенностям перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык: графика, орфография, фонетика // Урало-алтайские исследования. 2019, 3 (34). С. 7—52. {Bezenova M. P., Kondratieva N. V. The Peculiarities of the Translation of “God’s Law” (1912) into Udmurt: Graphics, Spelling, and Phonetics // Ural-Altaic Studies. 2019, 3 (34). P. 7—52.}

Бушмакин 1971 — Бушмакин С. К. Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка. Дисс. ... канд. филол. наук. Тарту, 1971. {Bushmakina S. K. Phonetic and Morphological Features of Middle Eastern Dialects of the Udmurt Language. PhD thesis. Tartu, 1971.}

Воронцов 1997 — Воронцов П. И. Явления выпадения фонемы *ы* в удмуртских диалектах // Пермистика 4: Пермские языки и их диалекты в синхронии и диахронии. Ижевск, 1997. {Vorontsov P. I. Phenomena of *ы* Phoneme Loss in Udmurt Dialects // Permistika 4: Perm Languages and their Dialects in Synchrony and Diachrony. Izhevsk, 1997.}

ГСУЯ 1962 — Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР; Отв. ред. П. Н. Перевоицков. Ижевск, 1962. {Grammar of the Modern Udmurt Language: Phonetics and Morphology. Izhevsk, 1962.}

Загуляева 1980 — Загуляева Б. Ш. Прикильмезские говоры удмуртского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1980. {Zagulyaeva B. Sh. Prikilmez Dialects of the Udmurt Language. Summary of a PhD thesis. Tartu, 1980.}

Закон Божий — Закон божий: Книжка с картинками для маленьких детей на вотском языке глазовского наречия. Часть I. Казань, 1912. {*God's Law: A Book with Pictures for Young Children in the Votyak Language of the Glazov Dialect. Part I. Kazan, 1912.*}

Карпова 2018 — *Карпова Л. Л.* Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние. Дисс. ... докт. филол. наук. Ижевск, 2018. {*Karpova L. L. Dialects of the Northern Dialect of the Udmurt Language: Formation and Current Status. Doctoral thesis. Izhevsk, 2018.*}

Кельмаков 1970 — *Кельмаков В. К.* Кукморский диалект удмуртского языка. Дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 1970. {*Kelmakov V. K. Kukmor Dialect of the Udmurt Language. PhD thesis. Moscow, 1970.*}

Кельмаков 1977 — *Кельмаков В. К.* Краткая характеристика кырымасских говоров южноудмуртского наречия. I // Вопросы удмуртской диалектологии: Сб. ст. и материалов. Ижевск, 1977. С. 26—61. {*Kelmakov V. K. Brief Description of the Kyrykmas Dialects of the South Udmurt Dialect. I // Questions of the Udmurt Dialectology: Collection of Articles and Materials. Izhevsk, 1977. P. 26—61.*}

Кельмаков 1978 — *Кельмаков В. К.* Краткая характеристика кырымасских говоров южноудмуртского наречия. II // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия: Сб. ст. и материалов. Ижевск, 1978. С. 65—85. {*Kelmakov V. K. Brief Description of the Kyrykmas Dialects of the South Udmurt Dialect. II // On the Dialects and Subdialects of the South Udmurt Dialect: Collection of Articles and Materials. Izhevsk, 1978. P. 65—85.*}

Кельмаков 1987 — *Кельмаков В. К.* Прапермские аффрикаты в современных удмуртских диалектах // Советское финно-угроведение. 1987, 1 (XXIII). С. 34—44. {*Kelmakov V. K. Proto-Permian affricates in modern Udmurt dialects // Soviet Finno-Ugric Studies. 1987, 1 (XXIII). P. 34—44.*}

Кельмаков 2006 — *Кельмаков В. К.* Краткий курс удмуртской диалектологии: Учебное пособие для высших учебных заведений. 2-е изд. Ижевск, 2006. {*Kelmakov V. K. Short Course of Udmurt Dialectology: Textbook for Higher Educational Institutions. 2nd ed. Izhevsk, 2006.*}

Люкина 2016 — *Люкина Н. М.* Фонетико-морфологические особенности языка лекминских и юндинских бесермян. Ижевск, 2016. {*Liukina N. M. Phonetic and Morphological Features of Lekma and Yunda Besermyans Languages. Izhevsk, 2016.*}

Насибуллин 1978 — *Насибуллин Р. Ш.* Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия: Сб. ст. и материалов. Ижевск, 1978. С. 86—151. {*Nasibullin R. Sh. Observations on the Language of the Krasnoufim Udmurts // On the Dialects and Subdialects of the South Udmurt Dialect: Collection of Articles and Materials. Izhevsk, 1978. P. 86—151.*}

Серебренников 1963 — *Серебренников Б. А.* Историческая морфология пермских языков. Москва, 1963. {*Serebrennikov B. A. Historical Morphology of Perm Languages. Moscow, 1963.*}

Тарakanов 1984 — *Тараканов И. В.* Повелительное наклонение, формы его выражения и их значения в удмуртском языке // Вопросы грамматики удмуртского языка. Ижевск, 1984. С. 25—34. {*Tarakanov I. V. Imperative Mood, Forms of its Expression and their Meaning in the Udmurt Language // Questions of Grammar of the Udmurt Language. Izhevsk, 1984. P. 25—34.*}

Тепляшина 1970 — *Тепляшина Т. И.* Язык бесермян. Москва, 1970. {*Tepliashina T. I. The Language of the Besermyans. Moscow, 1970.*}

Тепляшина 1973 — *Тепляшина Т. И.* Заметки по верхнеижским удмуртским говорам // Вопросы удмуртского языкознания: Сб. ст. и материалов. Вып. 2. Ижевск, 1973. С. 196—223. {*Tepliashina T. I. Notes on the Upper-Izh Udmurt Dialects // Questions of Udmurt Linguistics: Collection of Articles and Materials. Vol. 2. Izhevsk, 1973. P. 196—223.*}

УКК 2011 — Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез): Тодослыко-дышетскон издание (Морфология удмуртского языка: Научно-учебное издание) / Отв. ред. *Н. Н. Тимерханова*. Ижевск, 2011. {*Morphology of the Udmurt Language: Scientific and Educational Publication / Ed. N. N. Timerkhanova. Izhevsk, 2011.*}